

Глава 20. Прыжок с крыши

Хуа Хайцзюнь смотрел на своё отражение в зеркале, на свои зелёные волосы, и впервые в жизни почувствовал себя в таком затруднительном положении.

Перед отъездом дядя строго-настрого предупредил его не раскрывать свою личность и ни в коем случае не давать Чу Вэю понять, с какой целью он здесь.

Но не прошло и суток, как он уже проговорился.

Что теперь делать?

Дверь в ванную была закрыта, а за ней ждал ответа Чу Вэй. Как ему сочинить правдоподобную историю, чтобы объяснить свои слова?

О том, что он проболтался, дяде знать нельзя, иначе ему конец.

Пока он ломал голову над ложью, Чу Вэй вдруг посмотрел в сторону учебного корпуса.

Тихий учебный корпус внезапно наполнился шумом. Крики доносились даже до общежития, перекрывая шум столовой.

Казалось, случилось что-то чрезвычайное.

Чу Вэй вышел из комнаты и быстрым шагом поднялся на крышу общежития.

Общежитие было шестиэтажным, с открытой террасой на крыше, где обычно сушили одеяла и простыни.

Главное, что столовая была невысокой, и с крыши общежития хорошо просматривался учебный корпус.

Один взгляд заставил Чу Вэя замереть, а затем стремительно броситься вниз.

На крыше четырёхэтажного учебного корпуса стояла девушка, готовая прыгнуть. Девушка была ему знакома — это была Чжао Кэ из его класса.

Чу Вэй, словно ветер, быстро добежал до учебного корпуса.

Как раз закончился урок, и внизу собралась толпа зевак.

— Ученица Чжао Кэ, какие бы у тебя ни были трудности, расскажи учителю, учитель поможет тебе их решить. Не делай глупостей, спускайся скорее!

Цзи Сюэпин была на грани слёз. Она громко кричала Чжао Кэ, одновременно шёпотом спрашивая у стоявшего рядом учителя:

— В полицию позвонили? Они едут?

Учитель сжимая в руке старый мобильный телефон, торопливо ответил:

— Уже позвонил. Сейчас главное — успокоить её, ни в коем случае не провоцировать. Я пойду разгоню других учеников.

Чжао Кэ стояла на краю крыши и молча смотрела на толпу внизу. Её фигура излучала ауру смертельной усталости, словно она больше ничем не дорожила в этом мире.

— Чжао Кэ, послушай учителя. Спустись сейчас, что бы ни случилось, я помогу тебе, обещаю, хорошо?

Цзи Сюэпин надрывала горло, пытаясь докричаться до Чжао Кэ, но та, казалось, ничего не слышала и безучастно смотрела вниз.

Вскоре кто-то из учителей принёс мегафон и передал его Цзи Сюэпин.

Она была классной руководительницей Чжао Кэ и знала её лучше других.

— Чжао Кэ, в моих глазах ты всегда была хорошей девочкой, самой послушной. Я всегда была в тебе уверена. Поэтому, послушайся, спускайся, хорошо?

Цзи Сюэпин говорила дрожащим голосом, снова и снова уговаривая её.

Стоявшая на крыше Чжао Кэ, до этого не произносившая ни слова, вдруг шевельнула губами и тихо прошептала:

— Хорошая девочка? Послушная? Неужели потому, что я послушная и всё понимаю, я заслуживаю страданий?

Чу Вэй сосредоточил духовную энергию в ушах и, несмотря на шум, отчётливо расслышал бормотание Чжао Кэ.

Он посмотрел на девушку. В её глазах не было ни малейшего желания жить. Она не пыталась

привлечь к себе внимание или устроить представление.

Она действительно не хотела жить.

Цзи Сюэпин хотела сказать что-то ещё, но Чу Вэй, подойдя, опустил её руку.

— Учитель, причина её поступка, скорее всего, связана с её характером и семьёй. Не стоит больше упоминать слово «послушная».

Цзи Сюэпин замерла. В её голове промелькнула догадка.

У Чжао Кэ был старший брат, а также младшие брат и сестра. Она была второй из четырёх детей.

Семья была многодетной и очень бедной.

Деньги на учёбу она получала по школьной стипендии. Круглый год носила школьную форму, её обувь была вся в заплатках, но новую она так и не надевала. Иногда она донашивала мужскую обувь, оставшуюся от брата.

В таком отдалённом уезде всё ещё было сильно предубеждение против девочек. Большинство девочек в таких семьях не получали хорошего образования, а в юном возрасте отправлялись на заработки, чтобы помогать семье.

То, что Чжао Кэ смогла доучиться до старших классов, было уже большим достижением. В этот момент, даже не углубляясь в детали, можно было представить, с каким отношением она сталкивалась дома.

Чжао Кэ была незаметной в классе. Она была тихой, никогда не создавала проблем и не участвовала в школьных забавах.

Хотя её оценки были выше среднего, она не была настолько выдающейся, чтобы привлекать к себе внимание, поэтому у многих не осталось о ней особых впечатлений.

И вот такая тихая, послушная, скромная девочка сейчас стояла на крыше учебного корпуса, глядя вниз на землю.

В какое же отчаяние нужно было впасть, чтобы решиться на такой шаг?

Глаза Цзи Сюэпин покраснели ещё больше. Она подняла мегафон, и её голос, когда она заговорила снова, срывался от рыданий.

— Чжао Кэ, я знаю, тебе нелегко. Но пока ты живёшь, есть надежда, верно? Какие бы трудности ни встретились на пути, пока ты жива, ты сможешь их преодолеть, глупышка.

Неизвестно, какое слово затронуло её душу. Чжао Кэ посмотрела на Цзи Сюэпин и вдруг закричала:

— Учитель Цзи, вы хороший учитель! Но надежды больше нет! Я не вижу причин жить дальше!

Несколько учителей тихо поднялись на крышу, надеясь незаметно спасти её.

Чжао Кэ обернулась и, увидев их, закричала:

— Не подходите! Если подойдёте, я сейчас же прыгну!

Люди остановились и замахали руками:

— Нет, нет, мы не подойдём.

Цзи Сюэпин продолжала уговаривать:

— Нет таких преград, которые нельзя преодолеть. Если ты не можешь справиться одна, позволь всем помочь тебе. Вместе мы справимся, хорошо?

Чжао Кэ зарыдала. Она качала головой, до крови кусая нижнюю губу.

— Вы не сможете мне помочь, — плакала она. — Никто не сможет. Вы — не я, вы не знаете, что со мной случилось.

Цзи Сюэпин хотела сказать что-то ещё, но стоявший рядом Чу Вэй вдруг выхватил у неё мегафон.

Он поднял голову. Солнечный свет падал на его лицо, заставляя его сиять, но глаза оставались глубокими, как океан.

— Чжао Кэ, посмотри на меня, — медленно произнёс Чу Вэй.

Чжао Кэ опустила взгляд и, несмотря на расстояние, встретилась с ним глазами. На мгновение она растерялась.

Чу Вэй был звездой школы, объектом обожания всех девочек. Она не была исключением. Как

можно было не восхищаться таким выдающимся человеком?

Но она была слишком скромной. Обычная девочка: некрасивая, с плохой фигурой, из бедной семьи, с посредственными оценками. За два года учёбы в одном классе она ни разу не осмелилась заговорить с ним.

Единственная возможность для общения появлялась, когда Чу Вэй собирал домашние задания или раздавал контрольные.

Видеть, как тетрадь с её именем лежит в руках мальчика, о котором она мечтала, даже если он этого не знал, заставляло её сердце биться чаще. Она осмеливалась лишь украдкой следить за ним взглядом.

Чу Вэй наверняка её не знает. Может, даже имени её не помнит.

— Я знаю, что тебя зовут Чжао Кэ. Я знаю, что ты отзывчивая девушка. Ты незаметно вытираешь доску, выносишь мусор, делаешь то, чего другие не замечают. Ты очень хорошая, правда.

Когда Чу Вэй говорил это, никто не заметил, как его глаза потемнели, превратившись в бездонный водоворот, затягивающий взгляд.

Чжао Кэ смотрела в его глаза, слушала его слова, и её сердце забило быстрее.

«Значит, он знает меня. Он знает, что я делала. Он сказал, что я очень хорошая».

В её потускневших глазах начал зарождаться свет, словно маленькая звезда, озарившая тёмный мир.

Пусть и тусклый, но это был лучик надежды.

— Ты должна верить, что ты действительно очень хорошая. Во всём этом нет твоей вины. Умереть должна не ты.

«Умереть должна не ты».

«Ты, бездельница, я тебя столько лет кормил, а теперь, когда прошу отплатить, ты не хочешь делать такую малость?»

«Кэ-кэ, ты же знаешь, какая у нас семья. Тот начальник готов дать двадцать тысяч юаней за помолвку. Двадцать тысяч! Ты знаешь, сколько это денег?»

«Твой брат уже взрослый, если он сейчас не женится, какая девушка согласится выйти за него?»

«Никто не заставляет тебя выходить замуж прямо сейчас. Сначала просто обручитесь. Через полгода тебе ведь исполнится восемнадцать».

«Старше — значит лучше. Будет о тебе заботиться. Муж старше, жена моложе — что может быть лучше?»

«Мама знает, что ты самая послушная, самая понимающая. Не волнуйся, половину денег я отдам тебе».

Эти колючие слова, словно обруч, сжимали её голову. Слово за словом они сливались в огромную бездну, которая медленно поглощала её.

Чжао Кэ, заливаясь слезами, качала головой и плакала:

— Бесполезно... всё бесполезно... Я уже не я... Что бы я ни говорила, всё бесполезно.

Она не знала, что давало ей силы дожить до этого дня. Кошмары преследовали её каждую ночь, не давая покоя, причиняя невыносимую боль.

«Хорошая Кэ-кэ, дай брату тебя обнять. Младшие спят, они не заметят».

«Родителей сегодня нет дома, сегодня ночью я буду спать с тобой».

«Если ты посмеешь рассказать об этом, я скажу родителям, что это ты меня соблазнила. Как думаешь, кому они поверят?»

«Я знаю, братик, ты самая послушная, самая хорошая».

«Ты самая послушная, самая понимающая, самая хорошая».

Чжао Кэ качала головой. Эти сцены, словно в калейдоскопе, пронеслись в её сознании. Их нельзя было ни забыть, ни стереть.

Это были пятна, незаживающие раны на всю жизнь.

Кроме смерти, она не видела другого спасения.

Мысли Чжао Кэ путались, словно что-то вторгалось в её разум, делая его мутным.

«Чжао Кэ, ты невинна. Ты не виновата. Виноваты они».

«Если кто-то и должен умереть, почему это должна быть ты? Неужели виновные не должны понести наказание?»

«Ты должна жить. Жить хорошо. Смерть не решит проблему, она лишь обрадует злодеев».

В её голове словно шла борьба, два голоса спорили друг с другом.

Находясь в смятении, Чжао Кэ не заметила, что Чу Вэй, который разговаривал с ней снизу, уже поднялся на крышу и медленно приближался к ней.

Все затаили дыхание, с тревогой наблюдая за происходящим.

Слова Чу Вэя, казалось, действовали, но только он знал, что дело было не в словах, а в гипнозе, который он использовал.

Эта девушка была разочарована в мире и полна решимости умереть. Слова не могли её тронуть.

С самого начала разговора он начал её гипнотизировать, постепенно проникая в её сознание, внушая ей, что она не должна так легко умирать.

В такой шумной обстановке гипноз был нестабилен, поэтому ему нужно было как можно быстрее подобраться к ней и спасти.

Расстояние между ними сокращалось, он уже почти был рядом.

— Ты, паршивка, что ты делаешь?! Смертью решила угрожать отцу?! Хочешь — прыгай!

— Доченька, что ты делаешь?! Спускайся скорее, ты хочешь до смерти довести мать?

— Я тебя столько лет кормил, и вот как ты мне отплатила?! Знал бы, задушил бы тебя сразу после рождения! Столько лет зря еду переводил!

Сознание Чжао Кэ, колебавшееся между жизнью и смертью, было прервано этими криками. Она резко пришла в себя и посмотрела вниз.

Там стояли её отец — вечно пьяный и жестокий — и её мать — слабая и вечно ищущая компромиссы.

В этот момент отчаяние достигло своего пика.

Сердце Чжао Кэ тяжело опустилось. Не говоря ни слова, она шагнула с крыши.

Чу Вэй понял, что дело плохо, как только услышал эти крики, но было уже поздно. Чжао Кэ уже прыгнула.

Не раздумывая, он сделал несколько шагов, прыгнул следом и в воздухе схватил Чжао Кэ за руку, и вместе с ней вылетел за край крыши.

— АААААА...

Внизу раздались крики ужаса, многие девушки в страхе закрыли глаза.

Четыре этажа. Кто бы ни упал, выжить было невозможно.

Схватив девушку, Чу Вэй успел оценить обстановку внизу, заранее просчитав траекторию.

Такое расстояние не было проблемой. Главное — оттолкнуть Чжао Кэ перед приземлением, чтобы смягчить удар и обеспечить её безопасность.

Он уже приготовился к толчку, как вдруг ощутил мощную волну духовной энергии.

Вслед за этим что-то крепко обняло его.

В этот миг он повернул голову и резко встретился взглядом с парой глаз.

— Учитель

<http://bllate.org/book/16969/1585175>